

Ветеранские
Приключения

НА РАССТОЯНИИ КРИКА

СЕРГЕЙ НАУМОВ

Сергей Наумов

На расстоянии крика

Серия «Андрей Долгинцов», книга 2

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160024

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников. Самый популярный герой писателя – Андрей Долгинцов, "Седой", чьи похождения увлекали не одно поколение любителей остросюжетной литературы, а также знакомы многим по фильму "В двух шагах от Рая".

Сергей Наумов

На расстоянии крика

* * *

С аэродрома, где приземлился Ли-2, его повезли на новеньком "виллисе". Молчаливый подтянутый капитан коротко козырнул и вежливо распахнул заднюю дверцу.

По сторонам бежали взбухшие, сбросившие снег поля, кое-где на речках синел еще ледок, отступивший от берегов, но уже чувствовалось: еще день-два, и хлынет тепло, сорвутся первые дожди, зацветут сады.

Майор Андрей Долгинцов смотрел на черный, слившийся с землей лес на горизонте и чувствовал, как все, что он видел, вдруг стало близким, волнующим. Подумать только! Четыре года назад он воевал здесь – в морозные ноябрьские ночи сорок первого уходил за "языками" в немецкий тыл, – но так ни разу и не побывал в Москве. И вот теперь, когда война идет к победному концу, внезапный вызов в столицу.

"Виллис" остановился у приземистого незаметного серого здания. Капитан провел его мимо часовых, предъявив удостоверение. Они поднялись на второй этаж и вошли в просторную комнату, где за столом сидел человек в форме старшего лейтенанта.

– Садитесь, – предложил старший лейтенант, – генерал освободится через несколько минут.

Генерал, вопреки ожиданиям Андрея, оказался довольно молодым человеком с веселыми, живыми глазами. Мундир сидел на нем ладно, а тройная планка орденских лент выдавала в нем человека бывалого и заслуженного. Он поднялся из-за стола, пожал Андрею руку и кивнул на кресло.

– Сколько времени вы служили в армейской разведке, Андрей Степанович?

– Два года три месяца, товарищ генерал.

– Переведены к нам в сентябре сорок четвертого?

– Так точно.

– Я помню две операции, в которых вы участвовали... Они прошли успешно. Тогда вы работали под кличкой Седой?

– Так точно.

– Говорят, вы удачливы...

– Всяко бывало.

Долгинцов усмехнулся.

– А все же?..

– Удачлив, товарищ генерал.

– Разряд по альпинизму?..

– Кандидат в мастера.

– Историю Германии изучали?

– В пределах училища и еще немного сверх того.

– Понимаю. – Генерал улыбнулся: – Придется вниматель-

но прочитать вот эти книги... – Он пододвинул Долгинцову список. – Немецкий знаете в пределах училища или сверх того?

– Немецкий знаю, товарищ генерал.

– Это мы проверим, – весело сказал генерал, – я вам сейчас прочитаю строфу по-немецки, а вы попробуйте определить, в какой части Германии я родился и жил. Генерал откинул голову и, полужакрыв глаза, прочитал наизусть:

Ты знаешь безжалостный Дантов ад,

Звенящие гневом терцины!

Того, кто поэтом на казнь обречен,

И бог не спасет от пучины.

– Рейнланд-Пфальц, южные области, товарищ генерал. А строфа из Гейне... «Зимняя сказка».

Генерал, не скрывая удивления, внимательно взглянул на разведчика:

– Похвально... майор. Весьма похвально... Откуда такое знание диалекта?

– Приходилось допрашивать разных немцев... Подмечал нюансы в произношении.

Генерал задумчиво повертел в руках карандаш.

– О качествах разведчика много написано, еще больше говорится в официальных и частных беседах. А разведка – это тысячи мелочей, которые нужно помнить. Развитый интеллект, эрудиция, быстрота мышления... Вы должны знать правду. Выбор пал на вас по многим причинам.

– Я готов выполнить задание. – Андрей привстал.

Генерал коротко кивнул:

– Тогда к делу. В боях за Шрайберсдорф нашими разведчиками захвачен тяжелораненый гауптман Удо фон Плаффен. При обыске обнаружены испанский паспорт и рекомендательное письмо к Кальтенбруннеру. Письмо содержит просьбу переправить Удо в Швейцарию. Заботливый папаша, генерал СС, просит своего старого приятеля Эрнста Кальтенбруннера об одолжении. Генерал СС Дитрих фон Плаффен погиб во время налета американской авиации на Нюрнберг. Других близких родственников у гауптмана нет. Вы одного возраста с Удо, похожи лицом, фигурой, сединой. Удо рожден на земле Рейнланд-Пфальц...

– Понимаю, – сказал Долгинцов.

– Вы пойдете на связь с нашим человеком в Австрии и останетесь там для выполнения особо важного задания.

Генерал встал, подошел к зашторенной стене и открыл большую крупномасштабную карту.

– Покажите все населенные пункты в Австрийских Альпах, где вы бывали с альпинистской группой в тридцать восьмом году...

Седой взглянул на карту и сразу вспомнил последнее свое восхождение.

Австрийцы пригласили группу советских студентов-альпинистов штурмовать трехтысячник в районе Гроссглокнер. Это был своеобразный обмен. Четверо австрийцев в то же

время совершали восхождение на Ушбу. Трехтысячник они тогда взяли легко, играючи. После Тянь-Шаня и Памира Альпы показались горушками.

– Филлах, – сказал Седой, – небольшой курортный городок. – Он переместил указку чуть ниже. – Штирия... Австрийцы называют ее Грюне Марк – "зеленый край". Город Клагенфурт, по населению и площади больше, чем Филлах, но менее экзотичен. Здесь наша группа жила целые сутки... Бад Аузсее, горный курорт... озеро, кирха, прогулка на катере... лебеди, ночной ресторан.

– Запомнил, – улыбнулся глазами генерал.

– Мы там праздновали восхождение... "Мозельвейн" из подвалов господина Фишбаха.

– Достаточно, Андрей Степанович. Бад Аузсее – ваша цель. Подробности и вся подготовка к операции – в разведотделе штаба фронта. Сожалею, что не могу показать вам Удо фон Плаффена. Гауптман пока еще в тяжелом состоянии. Вояка он бывалый – Франция, Греция, Африка и наша Белоруссия... Дважды был ранен. Впрочем, это все есть в досье. Нам удалось все же поговорить с ним. Испанский паспорт используйте только в крайнем случае. Гестаповцы не очень жалуют дезертиров, даже в перспективе. И помните: несмотря на близость поражения, в Германии наблюдается повышенное чиновничество. Парадоксально, но это так. И не выпячивайте приставку "фон". Сейчас она непопулярна... Будьте внимательны к мелочам... В Москве пробудете трое суток.

На аэродром вас проводят. Желаю успеха и... удачи, товарищ майор, удачи...

Говоривший подполковник сильно щурился и сверлил Седого глазами-буравчиками, словно на допросе. Холодный, равнодушный голос раздражал Андрея.

– У нас мало времени на детальную разработку операции. Вы разведчик с опытом и хорошей интуицией, бывали в горах, выбрасывались с парашютом, знаете в совершенстве немецкий. Наблюдательны, сообразительны...

Подполковник продолжал говорить, слегка раскачиваясь. И Седой подумал, что этот человек что-то убаюкивает в себе, может быть постоянную боль.

– Австрия – ваша цель. Точнее, район Альпийской крепости, но не сам Редципф. Аусзее. Альтаусзее. Монтзее. Изучите карту, хотя вы там и бывали. Пойдете от селения к селению, от озера к озеру. Самолет возьмет вас в Шрайберсдорфе, ночью проскользнете левее Граца... Впрочем, на карте обозначена точка выброски. Достигнете Аусзее и через нашего человека на явочной квартире передадите для Аякса письмо. С той же минуты поступаете в распоряжение Аякса. Нашего человека зовут Австриец... Пароль – "Я привез вам посылку от Анны". Отзыв – "Давно жду. Благодарю".

"А ведь он похож на немца, – подумал Седой, разглядывая асимметричное худощавое лицо подполковника, – типичный пруссак, играющий роль русского. И не исключено, что был "там".

Подполковник почувствовал, что его разглядывают, остро и холодно взглянул на Седого:

– Вам придется столкнуться с людьми Кальтенбруннера. Альпы – сейчас его компетенция. Каждый новый человек под подозрением и слежкой. От вас не требуется особой конспирации. Нужно прежде всего стать немецким офицером с солидным рекомендательным письмом к весьма влиятельному в рейхе человеку, то есть к самому Кальтенбруннеру, и жить жизнью такого офицера. Характер и склонности вашего визави? Лучше, если он не будет служакой. Вы третий человек, идущий на связь с Аяксом. Два месяца, как замолкла рация. Многое нам неясно. Возможен провал в Аусзее, не исключено, что квартира под наблюдением, а Австриец зашвечен. А теперь привыкайте... к этой вот вещице.

Подполковник достал из кармана изящную коробочку, отделанную сафьяном. Усмехнувшись, раскрыл ее. Свет настольной лампы, преломившись в гранях камня, вспыхнул нестерпимым ярким всплеском.

– В перстне настоящий бриллиант, сорок восемь каратов, фамильная драгоценность фон Плаффенов. Монограмма на платиновой основе перстня. Бриллиант известен в Германии и за рубежом, так что будете носить на пальце целое состояние, я бы сказал, танковую бригаду.

Седой взглянул подполковнику прямо в глаза. Тот спокойно выдержал взгляд.

– Оставить монограмму и вставить фальшивый брилли-

ант? Нет. То, что должны сделать Аякс и вы, стоит много больше. Ваш перстень должен поражать воображение и по возможности открывать вам двери и... людей. Ну а самое главное – камень прикроет вас. У человека с таким состоянием есть веская причина оказаться в предгорьях Альп и, может быть, совершить прогулку к швейцарской границе.

– Я должен передать рекомендательное письмо в канцелярию Кальтенбруннера? – спросил Седой, рассматривая бриллиант.

– Да. Чтобы не вызвать подозрений. Для окружающих вы человек, жаждущий аудиенции у одного из влиятельных людей рейха.

– Ну а если...

– "Если" не будет. Кальтенбруннер не принимает никого, он готовится к встрече Гитлера. Да, майор, недалеко от Альтаусзее подготовлена посадочная площадка для личного самолета фюрера, который должен взлететь с одной из площадей осажденного Берлина. Вот только взлетит ли? Но Кальтенбруннер ждет... Его резиденция в Лльтаусзее, вас туда просто не пустят. На этом и строится наш расчет. Письмо настоящее. Изъято у раненого гауптмана Удо фон Плаффена. Перстень тоже. Шанс встретить в Аусзее человека, знавшего Удо, невелик. Гауптман – офицер вермахта, а в Австрийских Альпах дислоцированы дивизии "Эдельвейс". Теперь о сути задания. В районе Альтаусзее находятся копи, где в глубоких шахтах гитлеровцы захоронили сокровища Третьего

рейха. Ясно, что при приближении американских войск шахты будут взорваны. Нам известно также, что доверенное лицо Кальтенбруннера в определенный день двинется через горы в Северную Италию и оттуда в Швейцарию. Оно понесет главный капитал Кальтена – микропленку с данными об агентуре, оставленной секретными службами в странах Восточной Европы. Мы не думаем, что Эрнст Кальтенбруннер хочет купить у американцев жизнь этой микропленкой. Скорее всего, он надеется, что агентура пригодится нацистскому подполью. Человек Кальтена сильный, выносливый, в прошлом альпинист и горнолыжник. На границе с Швейцарией у немцев есть "окно". Агента наверняка будут встречать на итальянской стороне или раньше, у перевала. Уверен, если вам удастся войти в контакт с Аяксом, узнаете больше и в подробностях. Два месяца молчит рация...

– Разрешите вопрос, товарищ подполковник? – Седой достал пачку "Казбека", взглянул, спрашивая разрешения закурить.

– Курите. И пусть это будет последняя пачка. Удо фон Плаффен не курил. Это из показаний пленных. Ваш вопрос... Его нетрудно предугадать. Что делать, если... Если не войдете в контакт с Аяксом, действуйте по своему усмотрению. Альпийская крепость – не последнее логово для нацистов. Альпы открывают дорогу в Швейцарию и Северную Италию. Люди Кальтена и Мюллера пока еще носят форму и находятся на службе, но настанет час, и они побегут, но по-

бегут организованно, группами. Возможно, с одной из таких групп пойдет и человек Кальтена. Ему нужно будет прикрытие. Вам нельзя ошибиться в выборе группы. В горах же... не мне вам объяснять, как берут "языка". Конечный же результат – микропленка.

Подполковник поморщился и прикрыл глаза. В свете, падающем от настольной лампы Седой видел, как заострились скулы на лице собеседника, как плотно сжались губы. Холодный, безразличный тон, выдерживаемый подполковником до этой вот минуты, помогал ему держаться, сохранять ясность мысли. Этот человек не вылежался в госпитале и сейчас страдал от постоянной глубокой боли. Седой знал таких людей, да он и сам был из той же породы. Седой достал из заднего кармана брюк плоскую трофейную фляжку, плеснул коричневатую искрящуюся жидкость в стакан и негромко сказал:

– Выпейте... товарищ подполковник.

Разжались губы, дрогнули веки, подполковник открыл глаза, несколько мгновений смотрел на Седого, словно не узнавая, затем увидел стакан, неуверенно потянулся к нему. Боясь уронить, взял его обеими руками, отпил глоток, спросил:

– Откуда... "Мартель"?

– Трофей. Разведчики подарили по старому знакомству, – усмехнулся Седой. – Выпейте, помогает, по себе знаю.

– Сколько дырок в тебе, майор?

– Восемь...

– А мне говорили, три...

– Устаревшие сведения.

Подполковник допил коньяк залпом, стукнул стаканом о стол.

– Монолог с лирическим отступлением, – буркнул он и посмотрел на часы. – В письме содержится просьба легализовать Удо за границей. Испанский паспорт указывает адрес. Старик заботился о судьбе сына, и это понятно. Удо твоего возраста и немного похож. Все, майор. Подробности, карта, письмо и фотография Австрийца – в канцелярии. У тебя впереди ночь...

– И еще два дня...

– Да. И два дня. Не забывай о портном. Форма должна сидеть ладно. Ты все-таки аристократ. И еще вот что... – Подполковник ссутулился, погасил настольную лампу, лицо его сразу стало странно неподвижным, отчужденным. – Может случиться так, что квартира в Аусзее провалена. Тогда обрати внимание на цветы, особенно в кафе на столиках. Увидишь фиалки, изыщи возможность сесть за этот столик, Я уверен: тебя "прочитают", если фиалки на столе не случайность. Это старый резервный пароль. Сейчас весна, и в предгорьях Альп много фиалок. Чтобы тебя "прочитали", нужно попросить официанта заменить цветы на свежие. Потом самое трудное – ждать. И будь внимателен к мелочам. Аякс будет проверять тебя.

Подполковник тяжело поднялся из-за стола, остро и, как показалось Седому, насмешливо взглянул на разведчика:

– Я не имею права сказать тебе: береги себя. Войне конец. Самое большое – через месяц. Не торопись... даже если все будет складываться нормально. Не торопись. Ну... Сухов моя фамилия...

Он вышел из-за стола, приволакивая правую ногу, протянул Седому тонкую бледную руку. Рукопожатие неожиданно оказалось цепким и сильным.

* * *

Он три часа ехал автобусом, потом два часа шел пешком через незнакомый глухой лес, пока не вышел на узкий проселок, вымощенный гранитом. Проселок должен был привести его в Аузее. Следовало опасаться магистралей, где проверка документов, как сито – через каждые десять километров.

Ночной прыжок был удачным. Седой приземлился на большой поляне, закопал парашют, сориентировался по карте, добрался до шоссе и затаился до утра в кустарнике. Автобусная остановка оказалась неподалеку, и первым автобусом капитан вермахта Удо фон Плаффен уже ехал к Альпам, пряча глаза за темными стеклами очков – весеннее солнце заливало салон.

Он не доехал до полосатого шлагбаума, где начиналась "зона", двух остановок, вышел из автобуса и свернул в лес.

Седой не сомневался в надежности своих документов, но все-таки боялся попасть под наблюдение. Появившись в городке без соглядатая, он мог несколько часов оставаться безнадзорным и попытаться за это время проверить Австрийца.

Проселок точно вывел разведчика к озеру, возле которого разбросал свои черепичные крыши небольшой курортный городок, весь утопающий в весенней кипени садов.

Швейцар местной гостиницы, получив от Седого щедрые чаевые, вернул ему уже заполненный бланк.

– Не рекомендую останавливаться у нас, – быстро сказал он, – тесно, отдельных номеров нет. И шумно – внизу ночной ресторан. Я дам вам адрес. – Он усмехнулся: – Пансионат фрау Хольценбайн. Роскошные комнаты, теплая вода, австрийская кухня и тишина. Дорого...

Седой кивнул. И швейцар написал короткую записку на обратной стороне уже заполненного бланка.

Здесь, в гостинице, Седой впервые почувствовал силу фамильного бриллианта. Швейцар не сводил глаз с перстня. Козырнув, разведчик вышел на улицу. Прежде чем идти в пансионат – адрес был написан все на том же бланке, – Седой решил осмотреть городок и увидеть Австрийца. У него и в мыслях не было заходить в маленький домик на окраине – он просто хотел убедиться, что домик существует.

Австриец имел обыкновение прогуливаться с палевым догом между двенадцатью и часом дня. В распоряжении Седого оставалось чуть больше часа. И он решил пройтись по

улице, кружащей вдоль озера.

Шла война. Здесь же время словно остановилось. По аллее у озера прогуливались изысканно одетые пары, бродили подтянутые бодрые старички в смокингах и тирольских шляпах с перьями, продавали цветы. А по озеру плавал маленький прогулочный катер, лавируя среди белых лебедей, бог весть когда сюда завезенных.

С гор налетал ветерок, пахнувший свежевывавшим снегом. Военных на улице было мало – преимущественно офицеры из дивизии "Эдельвейс". И все же ему встретились два офицера вермахта. Высокий нескладный майор-пехотинец шел, опираясь на тяжелую палку. Рядом с ним вышагивал плотный широкоплечий человек в форме саперных войск, лицо которого было укутано бинтами.

"Здесь неподалеку должен быть госпиталь, – вспомнил Седой. – Ну да, американцы уже бомбят Альпы, не сегодня-завтра подойдут к Зальцбургу".

Белый домик под красной черепицей равнодушно смотрел на безлюдную улочку закрытыми окнами. Седой, не останавливаясь, прошел мимо, свернул в переулок и поднялся по вырубленной в скале лестничке наверх, откуда открывался красивый вид на озеро и прилегающие к нему склоны гор. Улочка с домиком Австрийца хорошо просматривалась с площадки, которой заканчивалась лестница. Седой присел на ступеньку и достал маленький полевой бинокль. Он был один: с правой стороны его закрывала скала, слева – высокие

каменные перила, похожие на парапет.

Палевый дог появился в калитке ровно в двенадцать. Эта точность насторожила разведчика. В стеклах бинокля промелькнуло сухое, тонкое лицо с орлиным носом и длинными седыми баками. Это был он, Австриец. Долгинцов проводил его взглядом до конца улочки и спрятал бинокль в карман мундира. Седому не понравилась походка человека, вышедшего на прогулку. В ней явственно читалась напряженность – и вздернутые плечи, и спина, словно ждущая удара.

"Черт его знает, – думал Седой, – может, мне все это кажется. Настроил себя: Австриец засвечен, а он вот гуляет в положенное время, ждет".

И все же двое не вернулись. Но ведь могло случиться, что они завязли в густой паутине проверок еще на подступах к Аусзее.

Австриец жил один. Значит, домик сейчас пуст. Седого подстегивало время, и он решился. Спустившись по лестнице, он зашагал к домику, твердо решив снять комнату напротив, как вдруг обнаружил: дома, стоявшие на другой стороне улочки, были отгорожены от внешнего мира глухими жалюзи. Разгорался весенний день. Дома же взирали на Седого слепыми окнами. Он шел словно по выжженной зоне.

"Они ждут третьего, то есть меня. – Мысли смешались, понеслись вразброд, как вспугнутые взрывом лошади. – Я иду по улочке второй раз – это наведет их на мысль, что я тут неспроста. Двое наших не вернулись... Отсюда... У Ав-

стрийца спина, ждущая удара. Так ходят обреченные... Значит, связи с Аяксом не будет..."

Первые удачи с приземлением и прибытием в Аузее без препятствий показались Седому зыбкими и ничтожными.

Он шел легкой, небрежной походкой, насвистывая забытую опереточную мелодию, и поглядывал в конец улочки, где должна была возникнуть фигура Австрийца с палевым догом. Седому хотелось увидеть его лицо.

Австриец стоял на набережной и кормил лебедей. Отламывая от венской булки кусочки, он бросал их в воду и без всякого интереса смотрел, как птицы лениво заглатывали хлеб. Дог стоял рядом и был похож на изваяние.

Лицо Австрийца, тонкое и бледное, с большими голубыми глазами, казалось изнуренным и печальным. Он оглянулся всего один раз, когда за спиной, громко разговаривая, прошли два офицера с серебряными эдельвейсами на беретах.

Пансион фрау Хольценбайн Седой разыскал довольно быстро. Его встретила дородная женщина в черном платье с глухим воротом, молча приняла записку швейцара, внимательно прочла обратную сторону, где в графе "Цель приезда" значилось: "Аудиенция у Кальтенбруннера", поджала губы, мельком, но с интересом взглянула на разведчика и слегка кивнула головой, соглашаясь принять постояльца.

Седому отвели большую комнату с балконом на втором этаже. Из окна были видны горы, внизу на клумбе начинали цвести какие-то ранние цветы.

Плата за пребывание в пансионате фрау Хольценбайн была фантастически высокой даже для этого райского уголка. Хозяйка сдержанно намекнула, что можно рассчитывать не только марками. Седой пожал плечами и отсчитал марки из той пачки, что получил в канцелярии штаба.

Он поднялся к себе и вышел на балкон. На горизонте, там, где долина врезалась в межгорье, виднелись зубчатые синие леса. С востока к дому подступали высокие прямоствольные сосны и вековые грабы. Теплое, золотистое сияние стволов медленно переходило в смуглую матовость. И среди них молочно белели березы, но графика их была резче, кроны не светились, а спокойно и мягко зеленели. Синева неба уже не звенела, как утром, не сияла, а светила ровно и глубоко.

"Откуда здесь березы?" – подумал Андрей.

В сердце заполз холодок грусти.

"Майн либер Андрей, ты совсем раскис. Ты полагал, все сложится, как домик из цветных кубиков. Ты забыл, кем нафарширован этот фешенебельный курорт. Ищейки и асы СД, люди гестапо, начинавшие службу еще в Испании. Они хотят, чтобы в последнем их редуте не было никого постороннего. Здесь планируется фашистское подполье, его будущее".

Андрей снял мундир, прилег на диван. До обеда оставалось два часа – хозяйка просила не опаздывать. Ночь, проведенная без сна, и так неудачно начавшийся день навалились неимоверной усталостью.

"Покурить бы сейчас", – подумал Седой. Он вспомнил свою последнюю "прогулку" по немецким тылам – это было на территории Литвы – и старика литовца на заброшенном хуторе, куда он с группой набрел после долгого скитания по лесам. Они оторвались от преследования, но усталость и голод мучили разведчиков. Ребята уснули прямо на полу, едва переступив порог дома. Он же просидел всю ночь со стариком, положив трофейный "шмайсер" на колени. Бутылка самогона, которую литовец поставил перед ним, была самым страшным искушением. Он знал, как снимает нервное напряжение стакан этого мутного зелья, но он не мог знать, на чьей стороне воюет сын Хуторянина, чей портрет красовался на стене. Чтобы не уснуть, он стал чистить оружие своих товарищей, не разрешив старику выходить из дома. Они молчали всю ночь, как могут молчать только враги.

...Ровно в два Седой спустился в столовую и увидел там троих мужчин, одетых в штатское. Разведчик щелкнул каблуками, сдержанно представился. Высокий худощавый человек с черточкой усов под длинным толстым носом дружелюбно протянул ему руку:

– Майор Ганс Хольц.

С кресла в углу поднялся крепыш в очках с красивым, чуть надменным лицом. Коротко кивнул:

– Подполковник Зигфрид фон Рорбах...

Третий, широкоскулый толстяк в пестром костюме, остро взглянул на Андрея исподлобья, нехотя буркнул:

– Гауптштурмфюрер Каргер.

– Садитесь, капитан, вон там, с краю, – пригласил подполковник. – Здесь у каждого свое место.

Фрау Хольценбайн сама прислуживала за столом, ей помогла совсем юная девушка, представленная хозяйкой как Габриэлла.

Обедали молча. Окончив трапезу, немцы закурили: двое – сигареты, Рорбах – толстую сигару.

– Не курите, капитан? – удивился Хольц.

– Не случилось привыкнуть, – усмехнулся Седой.

– Давно с фронта? – спросил Хольц.

– Четвертые сутки... Шрайберсдорф...

– Сюда на отдых или дела?

Хольц откровенно рассматривал разведчика.

– Дела. Аудиенция у Кальтенбруннера.

Каргер удивленно вытаращился на Седого.

– Что делаете вечером? – прервал паузу Рорбах.

– Не знаю, – пожал плечами разведчик, – осмотрю город, буду читать... отдыхать.

– Что читать? – улыбнулся Рорбах.

– Библию, с вашего позволения, – рассмеялся Седой.

Все улыбнулись.

– Наш долг пригласить вас как новичка в ночное заведение господина Фишбаха, – сказал Хольц. – Там собирается занятная публика. Кстати, у Фишбаха бывает Айгрубер.

– Я согласен, господа...

"Кто такой Айгрубер? – думал Седой. – Необходимо сегодня же узнать".

– У нас свой столик в ресторане. – Рорбах явно играл смущение. – Нас всегда четверо. Капитан не будет возражать, если к компании присоединится женщина?

– Напротив, господа. Думаю, что дама только украсит наше общество.

"Кто такой Айгрубер?" Мысль эта не давала сосредоточиться.

* * *

– Айгрубер – человек, которому вы можете вручить рекомендательное письмо. Он...

Фрау Хольценбайн поджала губы и строго взглянула на Седого. Во взгляде ее был упрек и недоверие – офицер вермахта, прибывший в Аусзее, должен знать хотя бы фамилию адъютанта Кальтенбруннера.

– Извините, фрау Кристина. Значит, я знал однофамильца. Я воевал вместе с подполковником Куртом Айгрубером в Африке. Распространенная в Германии фамилия, не правда ли?

– Да, герр Плаффен, – все так же сурово вымолвила хозяйка.

"Вы болван, майн либер Андрей, – ругал себя разведчик, листая Библию. – Не хватало еще обратиться в справочное

бюро с просьбой собрать досье на матерого гестаповца. Пока каждый твой шаг – ошибка. Бинокль на лестнице, разглядывание Австрийца с расстояния пяти метров, мундир, который нельзя сменить на штатское, – на ужине ты будешь как пугало. И наконец, вопрос хозяйке пансионата, которая несет бремя тайного и явного осведомителя. Следующий шаг может быть в пропасть..."

Седой думал о себе, как бы со стороны оценивая свои действия, посмеивался над холодком в груди.

Он думал о себе во втором лице, но всякий раз прогонял мысль о своей незаменимости в этом деле. В разведуправлении полагаются на его интуицию, но здесь нужен разумный совет человека, знающего обстановку, людей. Нужна связь с Аяксом.

Столик, за которым сидели Каргер, Рорбах и Хольц, стоял в глубине просторного помещения с низким сводчатым потолком. Седой облегченно вздохнул, заметив в ресторане несколько армейских мундиров.

– Извините за опоздание, господа. Габриэлла забыла разбудить меня.

– Мы уже сделали заказ, – подмигнул Хольц. – Вам осталось занять место и ждать.

– Раньше здесь гасили электричество и зажигали свечи, – сказал Рорбах.

Седой скользнул взглядом по залу – калейдоскоп лиц, возбужденных, разгоряченных вином, больше морщинистых и

бледно-мертвенных в свете многочисленных бра.

Сквозь синеватый сигаретный дым мелькали люди, одетые в черные вечерние костюмы: черные галстуки выделялись на белых рубашках, матово вспыхивал жемчуг на холерных шеях женщин. Подобно теням появлялись и исчезали бледноликие официанты с пустыми, плоскими глазами.

– А вот и Лотта, – услышал Седой.

Хольц поправил галстук и звякнул вилкой, словно давал сигнал тревоги.

В проходе возникла хрупкая фигура женщины, затянутой в темный эсэсовский мундир. Ее ярко-рыжие пушистые волосы были забраны под изящную форменную пилотку. Женщина была красива той красотой, которую можно встретить на портретах моцартовских времен – тонкий, с горбинкой, нос, маленький, чуть жестковатый рот и лицо с алебастрово-белой кожей.

Она коротко кивнула, задержала взгляд на Седом, и он вдруг почувствовал, как что-то в нем дрогнуло.

Рорбах представил Седого.

– Лотта Кестнер, – коротко прозвучало в ответ.

Принесли вино. Хольц налил всем. Лотта встала. Поднялись и остальные. Стоя с фужером в руке, Андрей пытался угадать тост.

– За мужчин-солдат, – коротко произнесла эсэсовка.

Седой снова поймал ее немигающий резкий взгляд и ответил легкой усмешкой.

Андрею показалось: в глазах Лотты сверкнула ответная, нет, даже не усмешка, а улыбка.

"Чертов боковой свет, он меняет даже выражение лица", – подумал разведчик.

Рорбах пригласил Лотту на танец. И здесь произошло неожиданное: один из тех, кто был в мундире, вдруг встал из-за стола и нетвердой походкой направился к танцующим. Он шел так, как ходят по канату. Подойдя совсем близко, он рванул Рорбаха за плечо.

– Она будет танцевать с офицером вермахта... – пробормотал пьяный.

Седой встал из-за стола. Рорбах ударил обидчика быстро и точно в подбородок. Пьяный рухнул на пол, но вскоре тяжело поднялся и выхватил из кармана мундира парабеллум.

Рорбах отпрянул, прикрывая рукой левую сторону груди.
– Всем не двигаться, – крикнул офицер, – стреляю без промаха.

Он медленно приближался к Рорбаху, и вкрадчивое выражение его лица, слепые от ненависти глаза буквально гипнотизировали подполковника.

– Ты проглотишь пулю, штатская крыса, – жгучий шепот повис над замершим залом.

Седой шагнул вперед и встал перед пьяным. Черный зрачок пистолета почти уперся ему в грудь. Он видел длинный ряд орденских колодок на мундире гауптмана, железный крест, тускло поблескивающий в молочном рассеянном све-

те, и вдруг понял, что нужно делать.

Разведчик дружески улыбнулся пьяному, укоризненно сказал:

– Не делай глупости, дружище. Меня зовут Удо.

По тому, как потухли глаза гауптмана, Седой понял, что достиг цели.

Он властно и осторожно взял пистолет из расслабленной руки пьяного и, подхватив его под локоть, повел меж столиков на место.

– Вы храбрый человек, капитан, – встретил его рокошущий баритон Каргера.

Рорбах, еще бледный от пережитого страха, кивнул Седому. Хольц с детским любопытством всматривался в лицо Андрея. Лотта сидела, устало прикрыв глаза, сжимая в руках бокал с вином.

– Не хватало, чтобы немцы стреляли друг в друга... здесь, – сказал Седой. – Выпьем, господа. Предлагаю тост за единственную среди нас женщину.

* * *

Гитлер не прилетел. Американцы подходили к Зальцбургу. Советские войска вели бои на улицах Берлина и вплотную приблизились к отрогам Восточных Альп. Ходили слухи, что взлетная площадка в центре Берлина разбомблена советской авиацией, а личный пилот фюрера застрелился.

Обитатели пансионата фрау Хольценбайн коротали время за игрой в вист, бродили по живописным окрестностям и, казалось, чего-то ждали.

Рорбах по утрам истязал свое тело гимнастикой, купался в ледяной воде озера и посмеивался над Седым, который обходился легкой зарядкой и чашкой крепкого кофе. Они сблизились после случая в ресторане, подполковник оказался интересным собеседником, рассказывал много о Японии, где прожил три довоенных года, читал наизусть японские танки-пятистишья, полные тонкого лиризма и средневекового аромата, расспрашивал Андрея о боях в Белоруссии и Польше, и это было как нельзя кстати, потому что Седой хорошо знал обстановку тех сражений, расстановку сил на Первом Белорусском, прошел по тылам немецких армий, допрашивал многочисленных "языков".

Из бесед с Рорбахом Андрей понял, что тот не нюхал пороха и едва ли пережил хоть одну бомбежку. "Абвер или СД? – думал Седой. – Он такой же подполковник вермахта, как я гауптман. Хольц тоже не похож на фронтовика, хотя и носит знаки ранений. С Каргером все ясно. С Лоттой тоже. Медноволосая эсэсовка, фанатичка и ортодокс, чистокровная наци, верящая в чудо".

"Они побегут, но побегут организованно, группами, – вспомнил разведчик слова Сухова. – Возможно, с одной из таких групп пойдет и человек Кальтена".

Седой без помех съездил в Альтаусзее и разыскал Айгру-

бера. Тот взял письмо, недобро усмехнулся и сообщил, что Эрнст Кальтенбруннер пока никого не принимает. Пообещал передать письмо шефу и посоветовал достать штатскую одежду, а лучше альпийскую теплую куртку и ботинки с трикони.

На четвертый день своего пребывания в Аусзее Андрей, как всегда, отправился ужинать в заведение Фишбаха. После случая с усмирением пьяного гауптмана предупредительные швейцары распахивали перед ним двери.

Пройдя в угол к зафрахтованному Хольцем столику, Седой замер, едва взглянув на сервировку. Посреди столика в маленькой изящной вазе красовался букет фиалок.

Букет состоял из шести бледно-лиловых цветков с мохнатыми листьями и прохладными лепестками.

Чувствуя, как бешено заколотилось сердце, разведчик тяжело опустился на свободный стул. Он исподлобья оглядел компанию. Ничто не изменилось в этих людях. Каргер подремывал, Хольц пытался ухаживать за Лоттой, Рорбах смаковал вино и посматривал на всех снисходительно и весело. А фиалки стояли на столе. Седой старался не смотреть на них.

Профессия разведчика приучила Седого подходить к людям просто и в то же время настороженно. Хороший – плохой, добрый – злой, его не интересовали такие характеристики. Люди у Андрея делились на две категории: на тех, с кем можно было идти за линию фронта, и на тех, с кем нельзя.

Если человек мог спокойно под огнем разминировать проход, он заслуживал молчаливого уважения Седого. Майор не прощал небрежности и трусости. Но так было там, у своих, когда он долго и тщательно подбирал группу для заброски в тыл врага.

Теперь же нужно было угадать своего среди врагов, Впрочем, фиалки могли оказаться на столике случайно. Может быть, такие же букетики стоят по всему ресторану. – Извините, – пробормотал Седой, поднялся и прошел через весь зал к туалетным комнатам.

Взгляд его скользил по столикам – бледно-лиловых цветов на них не было. Лишь на нескольких стояли хризантемы в высоких фарфоровых кувшинчиках.

"А ведь я боюсь, – думал Седой, – боюсь потерять эту возникшую надежду. Боюсь произнести простую фразу: "Кельнер, замените цветы на свежие".

Седому пришла вдруг на память вычитанная где-то фраза: "Осторожность – это кольцо бесплодных мыслей, которые вращаются вокруг точки страха".

Не одну тысячу раз преодолевал он в себе это леденящее чувство – война-то была долгой, а он встретил ее на границе в тот памятный рассветный час вечного июньского дня. И столько потом было всего за четыре фронтовых года, что, казалось, не осталось в сердце этого липкого, цепящего ощущения. А может быть, это другое – он боится не выполнить задание. Микропленка с адресами затаившихся врагов,

пароли, характеристики, подробные досье на каждого. Вот что понесет человек Кальтена через горы в милую, уютную Швейцарию, а может быть, и дальше, скажем в Мадрид.

Андрей покинул туалетную комнату, предварительно смочив волосы и расчесав их, и пошел в свой угол, делая небольшой крюк, охватывая взглядом вторую половину ресторана, надеясь увидеть лиловый цвет на каком-нибудь столике.

Вернувшись к своему столику, Седой с удивлением обнаружил, что компания увеличилась на одного человека. Разведчик узнал в нем сапера с забинтованным лицом. Его круглая, как белый шар, голова была сплошь закутана в многослойный бинт. Оставалась открытой только верхняя часть лица, откуда поблескивали черные внимательные глаза. Там, где должен был находиться рот, зияла прорезь, и оттуда торчала дымящаяся сигарета.

– Майор Фридрих Корн, – представил незнакомца Хольц, – убегает из госпиталя перехватить рюмочку-другую.

Майор невозмутимо посасывал сигарету, перед ним стоял бокал с коньяком, куда была опущена длинная соломинка.

Появление нового человека и цветы, возникшие на столике невесть откуда, связались в сознании разведчика в одно целое. Он не исключал простого совпадения и все же обрадовался возможности угадать Аякса.

– Скорцени! – свистящим шепотом произнес Хольц, и все вздрогнули, разом обернулись к входным дверям.

Там стоял человек в черном эсэсовском мундире, увешанный оружием так, словно собирался немедленно ринуться врукопашную. Его крупное одутловатое лицо было мрачно-непроницаемым. Большими черными, немного навывкате глазами разглядывал он замерших в зале людей.

В сопровождении метрдотеля Скорцени прошествовал в боковой банкетный зал. Следом за Скорцени в зал вошли несколько людей в штатском.

Холщ вытер вспотевший лоб салфеткой. Каргер ухмыльнулся. Рорбах сделал вид, будто изучает меню. Седой поймал на себе испытующий взгляд Лотты. Она смотрела в упор. Седой не отвел глаза, чувствуя, как в нем медленно и неотвратимо нарастает бешенство.

"Бриллиант настоящий?" – услышал Андрей. Он не сразу догадался, что вопрос задан забинтованным сапером. Сквозь прорезь в бинтах вопрошающе горели угольки глаз.

– Настоящий, – резко ответил Седой.

– За такой солитер можно купить неплохое место в загробном царстве.

– Что и собираюсь сделать, – в тон саперу сказал разведчик.

– Не психуйте, гауптман, – голос из-под бинтов звучал глухо, но дружелюбно. – Вы должны знать, что, нося на руке целое состояние, становитесь крупной дичью, а в этих местах собралось множество охотников... И с большой практикой, заметьте.

– Ну и шутник вы, Фридрих, – пробормотал Хольц.

– Я вот думаю, зачем сюда пожаловал Скорцени, – невозможно отозвался Корн. – Если пить чай, то мог бы...

– Осторожно, майор, – пробурчал из угла Каргер. – Это не вашего ума дело.

В бинтах заклокотал смех.

– Господа, пока есть вино и светит солнце, оставим пикировку.

Рорбах легким движением поправил галстук:

– Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть завтрашний день. Нам предстоит долгий путь, господа. Предлагаю идти вместе. В какой-то мере мы знаем друг друга, и это немаловажно...

Рорбах поднял бокал с вином.

"Сухов был прав, – думал Седой. – Крысы побегут с корабля стайками, и, может быть, даже завтра. Появление Скорцени в Аусзее – это сигнал..."

Вечер давно шагнул в ночь, а ресторан гудел, как растревоженный улей. У всех было предчувствие, что ночь эта последняя, что завтра кончится отлаженная цивилизная жизнь и начнется другая – горькая и трудная, с ветром и снегопадами, с ночлегом в тесной палатке, с возможной погоней.

Седой ждал, когда компания достаточно охмелеет, чтобы совершить то, что рекомендовал подполковник Сухов. В полночь, чувствуя непривычную тяжесть в голове, он властным жестом подозвал официанта и, тупо глядя ему в лицо,

командирским тоном приказал:

– Эти фиалки убрать, принести свежие...

Все удивленно посмотрели на Седого.

– Эти цветы почернели от времени, – мрачно пробормотал разведчик. – Убрать!

– Вам придется исполнить каприз барона Удо фон Плаффена, – пьяно усмехнулся Хольц, – он хозяин стола.

Голова Седого безвольно качнулась. Он казался пьяным даже самому себе. Из ресторана они ушли вместе с Рорбахом.

...Он сидел в мягком кресле перед открытым окном, не зажигая света. И знал, что сквозь ночную темень на него смотрят глаза врагов.

"Я вижу их глаза", – думал Долгинцов. За долгие годы войны он научился различать глаза, полные затаенной или открытой злобы. Такие они были вчера у Хольца за ужином в ресторане. Он хотел казаться улыбчивым и веселым парнем, но его выдали глаза.

"Наверное, и они чувствуют мои глаза тоже, – усмехнулся Седой. – Я не могу скрыть своего презрения ко всей троице. Вот только Лотта... Что-то в ней не так".

Он иногда ловил на себе ее внимательный теплый взгляд. Или ему казалось? Во всяком случае в нем не было враждебности.

"Скорей всего, это игра, чтобы усыпить бдительность, – скользнула ленивая мысль. – Они мастаки на такие представ-

ления. Нужно выспаться..."

* * *

Седой проснулся ночью от шороха. Открыл глаза и сразу услышал дыхание того, кто стоял в углу комнаты, прячась за шкафом.

"Спяну чудится черт-те что. Я же помню, как закрыл дверь на ключ, да и сам ключ остался в скважине. В комнате никого не должно быть. Не хватало только галлюцинаций".

И все же он проснулся и почувствовал в полной темноте пристальный взгляд человека. И услышал его дыхание.

"Пистолет. Где пистолет? Ах да, в кобуре. Ремень с кобурой на стуле – не дотянуться. Нужно ждать. Ждать. Ведь так просто убить спящего... Он должен подойти к кровати. Вот тогда..."

Но и человек, затаившийся за шкафом, инстинктом догадался, что Седой проснулся. В лицо ударил сильный сноп света.

– Не шевелиться... иначе пуля. Где оружие?

Яркий свет обжигал, слепил и казался нестерпимо долгим выстрелом.

Седой не раз переживал состояние полной скованности, когда мощная, непреодолимая сила прижимает тебя к земле и все над тобой гудит и свистит от бешено летящего металла, а ты совершенно беспомощен.

И быстро осознав свою беспомощность, Седой спокойно сказал:

– Пистолет в кобуре на стуле...

Свет метнулся по комнате, и разведчик разглядел того, кто каким-то чудом проник в его комнату. Все было обыкновенно в этом человеке: серый плащ, серая шляпа с широкими полями, длинное невыразительное лицо. В его руке чуть подрагивал девятизарядный вальтер.

– Руки... – приказал человек, подхватывая со стула кобур с пистолетом.

Андрей выпростал из-под одеяла руки. Луч мощного фонарика уперся в пальцы и сделал их белыми, бескровными.

– Где камешек?

– А я думал вы собирались проверять документы, господин грабитель.

Седой сказал это мягко, с легкой издевкой, словно и не видел направленного в его сторону вальтера.

– Двух дырок будет достаточно, барон, – хрипло засмеялся человек в плаще. – Так камешек или две пули?

– Предпочитаю две пули и тебя на виселице, милейший... Чем скорее ты выберешься из моей комнаты, тем больше шансов сохранить шкуру.

Седой чувствовал: грабитель в замешательстве. Тот не предполагал, что события примут такой оборот. Он был смущен бесстрашием владельца бриллианта, его уверенностью и спокойствием.

Погас свет фонарика. Седой услышал, как щелкнул замок, дверь бесшумно и быстро открылась, и наступила тишина. И Седой, не успокоившийся после ожога страха, долго лежал в этой тишине, вспоминая все, что произошло, до мельчайших деталей. Больше всего его раздражало то, что он не услышал, как вошел грабитель. Он возник неожиданно, как привидение, и, если бы не навыки фронтового разведчика, Андрей закричал бы, давая разрядку взвинченным нервам.

"Собралось множество охотников, и с большой практикой", – вспомнил Седой слова забинтованного сапера. Он встал с постели и включил свет. И вздрогнул – на столе лежал большой запечатанный конверт.

Он знал ледяное ощущение одиночества. Ему случалось выбрасываться из самолета с парашютом в глубоком немецком тылу и по неделям жить чужой жизнью, а то и вовсе одному в сырых лесных землянках.

Сейчас он страшился вскрыть конверт, потому что боялся снова остаться один.

Седой закрыл дверь на ключ и взял в руки конверт. Осторожно надорвал его – на стол упала записка.

"Приказываю идти с группой Рорбаха. Достаньте темные очки и теплые перчатки. Следует изучить карту Южных Альп, направление – Северная Италия. Рация захвачена гестапо. Радист погиб. Австриец провален. Письмо из Центра уничтожьте. Будьте внимательны. Связь односторонняя. Записку сжечь. В знак того, что вы прочитали записку и соглас-

ны выполнять мои распоряжения, совершите завтра с майором Рорбахом прогулку на катере. Купите на набережной у женщины с зонтом букет хризантем. Подарите их фрау Хольценбайн. Аякс".

Глядя на горящий листок бумаги и потом, растирая меж пальцев пепел, Седой думал о человеке, многие годы, день за днем, идущем по краю бездны.

Он не читал по-фронтовому точных, лаконичных радиogramм Аякса, но представлял себе всю сложность и опасность его работы.

Андрей подошел к шкафу и достал из тайника перстень, долго разглядывал его – он только сейчас заметил, что камень имеет голубовато-зеленый оттенок.

Седой твердо решил сохранить бриллиант. Он теперь уже не сомневался, что письмо от Аякса принес "грабитель". Проверка была грубой и рискованной из-за недостатка времени.

Время теперь несло вскачь. Если бы не эта неразбериха, он, безусловно, попал бы в сферу интересов гестапо, и тогда пришлось бы пройти всестороннюю проверку. Гестапо славилось оперативностью. Но не сейчас, когда приходилось спешно упаковывать чемоданы.

Седой понимал, что не от хорошей жизни Аякс пошел на такой риск. Меры предосторожности, которые он предпринял, были не очень надежны, и если формально следовать правилам разведки, то тот, кто скрывается под этим псевдо-

нимом, должен замереть, затаиться, кануть на долгие месяцы в водовороте крупного города. Может, так бы оно и было, если бы не кончалась самая страшная в истории человечества война.

Уходя на задание и после, ведя разведку в тылу врага, когда приходилось особенно тяжело, Седой всегда вызывал в памяти картину атаки. Он ясно видел, как по команде ротного солдаты встают и бегут вперед, навстречу рвущим воздух осколкам и пулям, забывая о смерти и всегда помня, во имя чего принимают ее.

* * *

– У майора фон Рорбаха было много друзей. Он учился с ними в академии, соревновался на ипподроме и просто рос под скупым солнцем Восточной Пруссии. – Рорбах лениво взглянул на плывущих навстречу катеру лебедей. – Вы должны меня понять, потому что ваш отец владел имением и стрелял диких голубей ради забавы в собственных лесах. Гауптштурмфюрер Каргер не учился в академии и не знает, что Киото – древняя столица Японии, как не знает того, что "Мозельвейн" двадцатого года нельзя запивать белым баварским пивом. Он учился делать колбасу, когда обожаемый фюрер взял власть...

– Американцы взяли Зальцбург, – сказал Седой.

– Вы хотите сказать, что аудиенция у Кальтенбруннера не

состоится?

– Я не хочу сдаваться американцам...

– Вы знаете содержание письма, которое вручили Айгрюберу?

– Нет. Но догадываюсь, о чем мог просить отец...

– Он просит переправить вас в Испанию... – Рорбах смотрел в упор. Седой не отвел взгляда. – Вы пойдете с нами, Удо. Война должна родить войну. Может быть, не так скоро, как бы нам хотелось, но это произойдет. Пока существует большевизм, мы дорого стоим, барон. Я думаю, что, пригласив меня на прогулку, вы хотели услышать именно это, Удо.

– Благодарю за доверие, – кивнул Седой.

Они сошли с катера и пошли по набережной в направлении старой, белой от времени церквушки, и по дороге Седой купил у женщины с зонтом букет роскошных махровых хризантем.

– Даме сердца? – улыбнулся Рорбах.

– Фрау Хольценбайн, – ответил с улыбкой Андрей.

– Хризантемы заставили меня вспомнить Японию. Жестокость и нежность – такова эта нация. Вот послушайте, Удо, о чем писал японский поэт Фудзивара Киесиэ в семнадцатом веке:

О, этот мир, печальный мир и бранный!

И все, что видишь в нем и слышишь, – суета.

Что эта жизнь?

Дымок в небесной бездне,

Готовый каждый миг исчезнуть без следа.

– Вы много повидали... – грустно заметил Седой.

– Не приbedняйтесь, Удо. Вы тоже. Африка, Франция, Греция и, наконец, Россия. Вермахт шагал широко. Вы даже стали седым...

– В Белоруссии, Зигфрид, можно было стать и зеленым.

"Он знает обо мне, то бишь об Удо фон Плаффене, много, но не все. И он еще не видел фотографии настоящего отпрыска рода фон Плаффена. В письме генерала СС не упоминались ни Франция, ни Греция – значит, началась проверка. Они не хотят идти в Швейцарию с неизвестным. Вот только успеют ли? Если успеют... пуля – это самое легкое, на что можно рассчитывать".

Седой знал, что его могут фиксировать на игру вазомоторов, нервную реакцию. Органолептику они проходили во втором классе разведшколы. Но как раз здесь-то они не добьются ничего. Вживаться в роль Седой умел. Играть же немецкого офицера ему приходилось не раз, правда в несколько иных обстоятельствах. И его не нужно было учить азам офицерского этикета и сдержанного чиновничества.

Вернувшись в пансионат и вручив фрау Хольценбайн хризантемы, разведчик поднялся к себе, пообещав Рорбаху быть к обеду. Подошел к окну. Осторожно выглянул из-за шторы. Так и есть. Фигура в штатском маячила на углу улицы, там, где к зданию пансионата примыкал аккуратный домик под черепичной крышей. Человек, не таясь, прохаживался вдоль

ограды. Седой заметил его еще вчера днем, но не придал этому значения. Вспомнилась и другая фигура в штатском. Она вела его с Рорбахом с самого начала прогулки: шпик словно бы нарочно обращал на себя внимание, Седому стоило большого труда не оборачиваться.

"Вот почему Аякс приказал сжечь письмо из Центра – они фиксируют каждый мой шаг".

Седой достал из внутреннего, вшитого под подкладку мундира кармана крошечный конверт. Отошел в глубь комнаты, захватив со стола пепельницу, зажег спичку...

* * *

Ночью большая часть обитателей Аузеее перебралась в Кремсмюнстер. Эмигранты всех мастей спешили навстречу приближающимся американцам, предпочитая унижение плена возможной гибели от рук людей Кальтена и Скорцени. К тому же ни для кого не было секретом, что копии, расположенные близ Альтаузеее, будут рано или поздно взорваны.

Группа Рорбаха собралась на одной из тайных квартир гестапо. Каждый получил меховую одежду, горные ботинки, ледоруб. И три альпинистские палатки на шестерых. При распределении палаток произошла заминка. Мужчины решили предоставить Лотте Кестнер право выбора напарника по ночлегу. Лотта усмехнулась и показала рукой на спальный

мешок:

– Я буду спать на воздухе.

Рорбах кивнул, соглашаясь. Забинтованный сапер махнул Седому рукой. У Андрея дрогнуло сердце. С той минуты, как разведчик сжег записку, он не переставал приглядываться к своим будущим спутникам. Жест, реплика – все для него было полно особого смысла. Корн вызывал в Седом чувство симпатии. Он любил людей насмешливых, ироничных. Рорбах рассказывал, что в руках сапера взорвался детонатор, ему обожгло лицо и разбило челюсть. С таким ранением не до смеха – Корн смеялся. Рослый, с широкими покатыми плечами, он таил в себе огромную физическую силу.

Седой ответно махнул саперу рукой и принялся укладывать рюкзак.

Последнее убежище эсэсовцев провожало группу Рорбаха громким собачьим воем. Служебные псы, брошенные своими хозяевами, голодные, метались по улицам, пугая обывателей.

– Они накличут на нас беду, – проворчал Хольц, оглядываясь с крутого обрыва на городок, где уже мелькали белые лоскуты флагов.

– Им забыли дать циан...

Каргер длинно выругался и вызывающе посмотрел на Лотту. Бледное лицо ее, обрамленное меховым капюшоном, осталось непроницаемым.

Из-под бинтов послышался смех, похожий на клетот. Ра-

неного сапера явно забавляли страхи уходивших в горы людей.

Альпийские луга кончились за первой же серой каменной грядой. Повеяло холодным простором, впереди запестрели плешинки снега, подъем стал круче – начинались настоящие Альпы, вздыбленный хаос скал, одетых в лед и снег.

Три связки шли, проваливаясь по колено в снег, помогая себе ледорубами. Все надели темные очки.

Каргер жадно хватал ртом воздух. Было видно, что он устал, шел тяжело, покачиваясь, словно пьяный.

Снежное плато вывело группу к подножию крутолобой горы, вдоль которой тянулся острый гребень со спусками и подъемами.

Седой шел в паре с Лоттой. Пройдя на длину веревки, он останавливался и страховал эсэсовку. Лотта передвигалась медленно – видно было, что каждый шаг дается ей с большим усилием.

"Никогда не ходила в горах, – подумал Андрей, – такой не доверят микропенку. Значит, Рорбах или Хольц. Каргер тоже не дойдет до перевала".

О Корне Седой думал как о союзнике. Им придется спать в одной палатке, и он надеялся на откровенный разговор.

Уже густели, наливаясь холодом, сумерки в долине, когда группа вышла к домику альпинистской спасательной службы. Вместе с сарайчиком, слепленным из камней, эти сооружения были последними домами до самого перевала. Дальше

могли встретиться лишь заброшенные хижины охотников.

Первыми достигли каменного заборчика Рорбах и Корн. Они молча курили, сидя на валунах, поглядывая на тяжело идущих по склону спутников.

Дом и сарайчик оказались пустыми. В них никто давно уже не жил.

Каргер молча, не раздеваясь, повалился на панцирную кровать и мгновенно уснул.

– Он съел за свою долгую жизнь слишком много бифштексов, – мрачно пошутил Хольц.

– Нужно развести огонь, – сказала Лотта. – Здесь холодно. Удо, в сарае есть дрова. Наколите помельче. Я займусь ужином...

Седой накинул на плечи сброшенную было куртку и взял с тумбочки перчатки. И вдруг услышал, как в одной из них что-то хрустнуло. Он быстро вышел и на подходе к сараю надел перчатки. Ладонь левой руки ощутила угольчатый край сложенного вчетверо листа бумаги. В сарае было темно, и Седой зажег спичку.

"Ночью, не спать. Опасность заговорить во сне по-русски. Вас подозревают. Будьте внимательны и осторожны. Запоминайте дорогу – возможен обратный маршрут. А."

Разведчик тщательно растер пепел и рванул воткнутый в толстое полено заржавевший топор. Раскальвая толстые сырые чурки, он вспомнил, как вошел в дом, бросил перчатки на тумбочку. Нет, сперва он поставил ледоруб в угол, снял

рюкзак, а потом уже снял перчатки. Кто был рядом? Хольц! Потом подошел Корн и включил фонарик. Затем Лотта и Рорбах. Он нагнулся над рюкзаком, и тогда Лотта сказала насчет колки дров. Кто же? Не спать ночью? Как он сам не подумал об этом?

Бессонная ночь. Она знакома Седому. Среди тысячи суток войны их было так много, что и за несколько лет не отоспаться. Андрей вспомнил июньские короткие ночи на родной заставе, тревожные ночи в ожидании нападения. Гул танковых моторов на сопредельной стороне, лязг и отраженный, призрачный свет. До сна ли тогда было ему, совсем еще юному лейтенанту, год назад окончившему пограничное училище.

Седой вышел из сарая с охапкой дров.

Холодало. На северной стороне неба появились "кошачьи хвосты" – высокие перистые облака, первые предвестники наступающей непогоды.

"Будет метель. Почему Аякс не сообщил, кто идет с микропленкой? Не знает сам? Не знает. Меня подозревают. И все же Аякс здесь. Значит, я ему нужен – и это главное".

То, что его подозревают, Седой чувствовал и сам. Первые дни в Аусзее ему казалось, что это тщательно скрываемая неприязнь не нюхавших пороху гестаповцев к военному человеку, фронтовику. Но с появлением "тени" понял, что это не так. За пансионатом следили днем и ночью. Седой, даже если бы очень захотел, не смог исчезнуть из городка. И Аякс

знал об этом. Значит, ему нужно, чтобы меня подозревали.

"Я иду за ним, как слепой по краю пропасти, – подумал Седой. – Оступится он, покачусь с кручи и я".

* * *

Он боялся уснуть. Усталость все-таки подстерегла его. В доме стояла душная, пахнувшая гниющим деревом темнота, из которой доносились храп, стоны, невнятное бормотание спящих людей.

И все же Седой знал: не спит еще один человек – тот, кто отдал ему приказ не смыкать глаз.

Андрей лежал на спине и сквозь полуприкрытые веки смотрел на деревянный потолок, смутно чернеющий в призрачном, тусклом свете, льющемся в широкие проемы окон.

Вспомнилось, как год назад вот так же лежал он на разостланном тулупе на полу родного дома и делал вид, что спит.

Андрей приехал домой на два дня проведать мать. Она не спала в ту ночь, тихо сидела у его изголовья, иногда шептала что-то жалобно, боясь разбудить его.

Он был у матери один. Отца Седой не помнил. Он погиб в двадцать втором году, гоняясь в Средней Азии за бандами басмачей. Осталась только фотография – высокий широкоплечий человек с открытым молодым лицом, в командирской гимнастерке, с наганом на ремне.

Андрей рос, как все мальчишки в деревне, а повзрослев,

уехал в пограничное училище, твердо решив идти по дороге отца. Война. Она прибавит к его биографии такое количество событий и дат, что никакого анкетного листа не хватит и придется писать повесть о собственной жизни, ничего не выдумывая и ничего не прибавляя.

Он простился с матерью в тот единственный свой приезд, так и не сказав ей, кем он служит в армии и где воюет. Законы жизни, по которым живет разведчик, суровы и жестоки. Уходя на задание, он оставляет на родной земле награды, документы и свое настоящее имя.

Андрей смотрел в потолок и мысленно перебирал события последних дней. Гитлер так и не прилетел в Альтаусзее. "Железный Кальтен" распустил своих подчиненных, а точнее, секретные службы фашистского государства. И десятки тысяч их, словно жуки, расползлись по территории Германии, меняя облик, документы, придумывая легенды о своем прошлом. Организационно сохранилась лишь элита – лучшие из лучших, те, кто должен, по мысли гитлеровской верхушки, спровоцировать новую войну. Сохранилась и агентурная сеть, созданная при отступлении во всех без исключения странах, которые выходили из войны или поворачивали оружие против вермахта.

Подумать только! Списки этих строго законспирированных агентов с подробными характеристиками и адресами находятся сейчас от него, может быть, в каких-нибудь полутора метрах.

Возможно, что это только фотокопии, но как они нужны нашей контрразведке. Еще сутки идти до перевала. Там ждут. Самый север Италии в руках немцев. Дивизии генерала Виттинхофа еще сопротивляются. Из Северной Италии проще уйти в Швейцарию. Значит, в эти сутки все и решится.

За окнами вставало блеклое, похожее на сумерки утро.

Всех разбудил Каргер. Он шумно сел на кровати и громко и хрипло кашлянул. Вскочил Хольц и осторожно выглянул в окно. Он, конечно, знал, что моторизованные отряды американцев, растекаясь в межгорьях, еще не достигли Альтаусзее, и все же в силу профессиональной привычки первым делом осматривал окрестность.

Седой вышел из домика. словно ожидая чего-то, вглядывался разведчик в бесстрастные каменные громады.

Гасли звезды. Вершины становились золотыми: на дне ущелий таяли последние клочья ночного мрака. Но тени еще не обозначились четкой чернотой, а лишь чуть наметились размытыми очертаниями.

Из сарайчика вышла Лотта – она там ночевала, молча кивнула и прошла в дом.

Завтракали в полном молчании. Один только раз Рорбах, протянув Седому буханку хлеба, сказал:

– У до, нарежьте хлеб...

Ничего необычного не было в этой просьбе. И все же Андрей вздрогнул. Он поймал напряженный взгляд Лотты и

взял нож. И хотел уж было поднести левой рукой буханку к груди, как вдруг вспомнил, что так режут хлеб в российских деревнях – к себе на грудь. Положил буханку на стол и стал нарезать хлеб аккуратными тонкими ломтями. И не смог сдержать усмешки.

– С детства не умею резать хлеб, – сказал Седой. – У нас дома это всегда делала прислуга.

– Надо полагать, вы кое-чему научились на фронте, – пробормотал Рорбах.

Больше никто не сказал ни слова. Андрей взглянул на Лотту. Она сидела, полузакрыв глаза, уголки ее красивого жесткого рта едва заметно вздрагивали.

"Ирония хороша, когда ею прикрывают то, чего нет на самом деле. Майн либер Андрей, ты умеешь превосходно стрелять, драться, можешь не спать несколько ночей кряду, ты даже умеешь прыгать с парашютом, но ты плохой психолог и не слишком наблюдательный человек. Тебя по-дешевому провоцируют, и ты едва не клюешь на провокацию. А то ли еще будет. Корн пил через соломинку кофе. Каргер просто жевал. Хольц и Рорбах. Вот кто наблюдал за тобой. Аякс, конечно, кроет тебя, Андрюша, всеми нужными в таком случае словами. Но ведь нас двое, а их всего-то четверо. Когда ты злишься, Андрюша, ты сразу лезешь в драку. А ты ведь человек для особых заданий, и у тебя дело чрезвычайной государственной важности. Наблюдай, жди, как приказано, и мой руки перед едой".

Утренний блеск гор погас, словно его выключили, а четверть часа спустя повалил густой, липкий снег.

Рорбах раздал всем по две таблетки фенамина. Таблетки проглотил только Каргер.

Над ними висела белая шапка горы. Разорванные глыбы ноздреватого льда иногда высверкивали сквозь снегопад – гора была выше снеговых туч, и там светило солнце.

С маленького плато, где приютился домик спасательной станции, тропа круто взлетала вверх, будто аркан. Потом она раздваивалась, петлей охватывая обрыв, над которым возвышалась одинокая шпалеобразная скала, похожая на обелиск. Оттуда тянуло холодом и мраком. И там был ветер. Внизу же было тихо, и группа сравнительно легко поднималась скальными террасками к взлобью большой горы, название которой Седой прочитал на карте, но так и не запомнил. Он шел на всю длину веревки, которой был связан с Лоттой, и с неистребимой привычкой армейского разведчика всматривался и вслушивался, считая, что тем самым выполняет приказ Аякса – запоминать дорогу.

Снег шел уже два часа. При полном безветрии он падал и падал, сцепляясь в крупные хлопья, ложась на скалы причудливым белым покрывалом.

Седому вспомнились читанные когда-то стихи:

Снег, снег, снег,

Чьи-то шаги в тишине.

Старый идет человек

По собственной седине.

"По седине идет" – это хорошо сказано. Но он-то не старый. Он еще поживет, послужит. Обязательно в разведке. Эта служба ему и по характеру, и по призванию.

Привал с часовым отдыхом устроили в просторном кулуаре между двумя гребнями.

Снег немного поутих, поднялся ветер. Обед был более чем скудный – по четыре галеты и стакану теплого кофе.

Андрею нестерпимо захотелось покурить. Дым от сигарет раздражал его.

Таблетки фенамина он так и не проглотил, опасаясь подвоха, и теперь чувствовал, что устал. Хватит ли сил до перевала?

Видимость улучшилась, и по указанию Рорбаха дальше двигались без страховки, соблюдая дистанцию в пять шагов.

Около часа группа двигалась вдоль гребня старым альпинистским маршрутом и подходила уже к скале-обелиску, когда Седого внезапно охватила глухая, неясная тревога. Так часто, не видя, ощущает человек приближение облачной тени, беззвучно бегущей по земле.

Он еще полностью не осознал, почему, подобно неожиданному, как удар, подозрению, возникло это предчувствие. Что-то произошло в передвижении фигур впереди и позади него. В мгlistой сумятице снега все это могло и показаться, но только не Седому, обостренно воспринимавшему теперь даже интонацию знакомых голосов.

Разведчик все так же равномерно шагал по тропе, подставив плечо ветру, чувствуя, как в левой половине груди задрожал и забился тревожным звоном колокольчик опасности.

Незаметным движением Андрей снял пистолет с предохранителя и переложил его в карман куртки. Вспомнил о бриллианте – он лежал в нагрудном кармане, упрятанный в брикет жевательной резинки. Достал и сунул в рот. Седой твердо решил: случись что, бриллиант на фашистское подполье работать не будет.

Перстень с монограммой сделал свое дело. Сухов оказался прав – камешек сработал как прикрыtie и, возможно, как приманка. Андрей подозревал, что в группу его взяли не за личные заслуги и уж, конечно, не за аристократическое происхождение. Предчувствие не обмануло Седого. Когда он поднялся на последний перед шпалеобразной скалой выступ-площадку, Каргер, шедший сзади, метнулся ему на спину, пытаясь левой рукой захлестнуть горло.

Броском через бедро Андрей свалил грузного эсэсовца на землю и отступил к скале. Хольц взмахнул рукой – он стоял сбоку от разведчика. Седой успел заметить зажатый в руке кастет. Мгновенно перехватил руку, вывернул ее и сильно ударил ребром ладони по шее. Хольц рухнул как подкошенный. Рорбах и поднявшийся Каргер одновременно кинулись на разведчика. Андрей упал и тут же сдвоенным ударом ног в живот свалил Рорбаха. Каргер успел зацепить Седого ногой. Острая боль ударила в голову, а руки автоматически пойма-

ли ногу эсэсовца, и тот со стоном упал на склон. "Теперь быстро встать", – приказал себе Седой.

На самом деле поднимался он тяжело и получил еще удар – на этот раз кулаком по печени. Длиннорукий Хольц достал его левым боковым.

"Боксер", – усмехнулся Андрей и рванул из кармана пистолет. Он едва успел вскинуть его, как откуда-то сбоку хлопнул выстрел – точно пущенная пуля вырвала парабеллум из руки Седого, рикошетом скользнула возле правого виска, слегка контузив разведчика. Он не упал, а только качнулся и увидел словно сквозь туман на гребне знакомую фигуру Корна. В правой руке тот держал пистолет, левая сжимала приклад английского автомата "стен". Седой вздрогнул. На сапере не было бинтов. Изящная меховая фуражка едва прикрывала его выпуклый, бугристый лоб. Лицо было волевым, с крупными чертами.

– Всем стоять смирно! Слушать мой приказ. Через час вы можете продолжать движение. Каждый, кто приблизится ко мне ближе чем на сто метров, будет убит. – Корн поднял над головой автомат. – Этого человека, – вооруженной рукой он указал на Седого, – допросить и расстрелять... Перстень с бриллиантом сдать по прибытии на место в фонд будущей Германии.

Говоривший, не поворачиваясь, сделал несколько шагов назад и скрылся за гребнем.

– Айсфогель... – пробормотал Хольц и достал пистолет.

Они шли к нему с трех сторон, еще не зная, что бриллиант затоптан Седым в снег в самом начале схватки слева от скалы.

"Если я сейчас брошусь на них, они стреножат меня тремя выстрелами. Что же Аякс?.."

Впервые за время схватки он поискал глазами Лотту. Она стояла у самой пропасти, засунув руки в карманы куртки и, как показалось Седому, отрешенно смотрела на него. И вдруг он увидел, как Лотта едва заметно покачала головой, вынула руки и демонстративно заложила их за спину.

"Она говорит мне, чтобы я не сопротивлялся. Она не уверена, что Корн – Айсфогель ушел. Она потому и стоит у самого края – оттуда просматривается поворот, которого не минует идущий вдоль гребня".

Седой дал себя связать. Получить сейчас пулю было бы непростительной глупостью. Они поставили его к скале-обелиску.

Хольц ткнул Седого пистолетом в грудь.

– На кого работаете, барон?

– На себя, – глухо буркнул Андрей.

– Не лгите. Мы не мальчишки. Так на кого? На Си-Ай-Си?!

Или, может быть, на "Джи-ту"?

– На дефензиву, – опять буркнул Седой.

– Оставьте его, Хольц, – вмешался Рорбах. – Он русский.

И работает на московский Центр.

Каргер быстро и профессионально обыскал Седого.

– Где камень?

– Он фальшивый, Каргер... – Седой улыбнулся: – И потом... Я предвидел этот грабеж.

– А пулю ты предвидел?

– Не исключал такой возможности...

– Получишь... Между прочим, ты мне сразу не понравился...

– А я вас полюбил с первого взгляда, Каргер. Такой добродушный малый...

– Мы устроим "тир", – бормотал Хольц. – Я давно не стрелял в живого большевика.

"Войне конец, – подумал Андрей, – может, сейчас, сию минуту... Что же она медлит, Лотта Кестнер? А не ошибается ли он? Женщина могла просто покачать головой, сожалея или не принимая того, что здесь происходило. Тогда без последней рукопашной... Айсфогель... Ледяная птица. Фамилия? Или кличка?.. Предпочел немецкому "шмайсу" английский "стен"... Стреляет как бог. Противник серьезный".

Хольц, Каргер и Рорбах разглядывали Седого с любопытством и ненавистью.

– Тридцать метров, – сказал Хольц. – Ставлю бутылку "Мартея"...

– Нет, Ганс. – Рорбах протестующе поднял руку. – "Тир" так "тир". Тридцать метров, и каждому по два выстрела. Стрелять по конечностям. Мы четвертуем его...

Андрей взглянул на Лотту. Она стояла теперь совсем

близко к обрыву. Капюшон на ней был откинут, и волосы разметались по плечам. Ветер заламывал ее хрупкое тело над обрывом, и Седому казалось, что еще мгновение – и он столкнет женщину в пропасть.

Каргер считал шаги. Заледеневший снег гулко скрипел под его ногами. Последней к пяточку, вытоптанному Каргером, подошла Лотта.

– Господа, – услышал Андрей ее металлический голос, – прошу право первого выстрела...

– Да, конечно, – сразу же согласился Хольц и объявил, как на ипподроме: – Лотта Кестнер стреляет первой...

Лотта расстегнула куртку.

– Дайте мне ваш вальтер, Ганс. Мой пугач слишком легок...

Хольц протянул ей пистолет. Она встала боком, как на дуэли, чуть согнула вооруженную руку в локте и стала медленно поднимать ее, целясь Седому в голову.

Внезапно, когда все уже ждали выстрела, рука ее опустилась.

– Подарите мне пять шагов, господа... Мне трудно целиться.

Голос ее прозвучал тускло, почти жалобно.

– Вы женщина, Лотта, и имеете на это право. Делайте пять шагов и стреляйте, иначе наш пациент замерзнет.

Рорбах, как всегда, был снисходителен и вежлив.

Лотта сделала первый шаг, и Каргер громко сказал:

– Один...

– Два... – сказали вместе Хольц и Каргер.

Им нравилась эта игра.

– Три... – скандировали они, – четыре... пять... Стой!

И вдруг она резко повернулась. Лотта Кестнер стреляла в упор. Первым упал Каргер, так и не успев сообразить, что же произошло. Рорбах попытался выхватить из кармана куртки пистолет, но тут же рухнул, сраженный пулей в сердце. Хольц присел и прыгнул вперед, пытаясь достать Лотту своими длинными руками.

Она всадила в него две пули, и он зарылся лицом в снег у самых ее ног.

Лотта повернулась к Андрею, бросила вальтер и, пошатываясь, двинулась к нему, слабо взмахивая руками, словно собираясь взлететь.

– Ох! – Ноги у нее подогнулись, и она рухнула в снег. Но тут же попыталась подняться, бормоча: – Я сейчас... сейчас... У меня есть нож...

Лотта снова упала, и Андрей услышал, как она тихо плачет. Расстрел эсэсовцев стал последней каплей нечеловеческого напряжения, в котором жила Лотта все эти дни. И вот теперь, когда напряжение спало, не оказалось сил.

Андрей молчал. Он и сам чувствовал себя прескверно. Его бил озноб, горечь заполняла рот – удар по печени не прошел даром.

Наконец Лотта поднялась и, пошатываясь, приблизилась

к скале-obelisku. Держа нож обеими руками, перерезала веревку. Седой вздохнул полной грудью, все еще боясь оттолкнуться от скалы.

– Как вас зовут? – устало спросил он. – Меня – Андрей...

– Я не могу сказать тебе своего имени, Андрияша... – Лотта смотрела на Седого добрыми, ласковыми глазами, и что-то материнское, нежное было в долгом ее взгляде. – Но я сделаю то, о чем мечтала всю войну. Я поцелую тебя за всю нашу Красную Армию, которая сломала фашистского гада... Я так долго ждала тебя... солдат...

– Да... – Седой откликнулся как эхо.

Она приблизилась к нему, протянула руки. Андрей вздрогнул и закрыл глаза. Он почувствовал ее теплые губы всего на одну секунду. Ему показалось, что его поцеловал ребенок.

* * *

Он трогал ее смерзшиеся, запорошенные снегом волосы и тихо говорил:

– Я достану его... Не волнуйся. Он ушел на расстояние крика.

– Да. Теперь я знаю – это он. Я так и думала, но не была уверена. Айсфогель... Я видела его однажды в Берлине. Никто не знает, в каком чине он служит в РСХА. – Лотта подняла к Седому лицо. – Андрей, это опасный, сильный че-

ловек. Будь осторожен. Возьми второй пистолет и все запасные обоймы. Я немного отдохну и пойду следом... Но пойдем мы не так, как он, а срежем угол. Под северным гребнем можно пройти к перевалу более коротким путем, но там в кулуаре почти всегда сходят лавины. В ясные дни с двенадцати до трех часов. Можно успеть... – Лотта взглянула на часы: – Сейчас десять... Он идет старой проверенной тропой – не хочет рисковать. А мы должны... Нас теперь двое. И помни: английский "стен-ган" бьет на двести пятьдесят метров. Вот, возьми... – Лотта протянула Андрею длинный красный шнур: – Привяжи к руке – вдруг все-таки лавина...

Седой спрятал шнур в карман, пересчитал обоймы и тоже сунул в карман. Тяжело поднялся, прошел к скале-обелиску, присел на корточки и стал разгребать снег.

– Потерял что-нибудь?

Лотта неслышно присела рядом.

– Танковую бригаду. Подполковник Сухов мне этого не простит. Семейная вещь, известная всей Европе. Вот он...

Седой разжал ладонь с зачерпнутым снегом, извлек из белой массы жевательной резинки перстень и протянул его Лотте.

– Сдаю без расписки...

– Не годится, Андрей. Сам вручишь бриллиант Сухову Николаю Савостьяновичу...

– Ты знаешь Сухова?

– Знаю. Но об этом после... "Стен-ган" бьет на двести

Он поднимался, и горы точно опускались. Когда он вышел на скалистый северный гребень, вершины уже стали ослепительно белыми. Весеннее солнце поднялось высоко, но здесь, у границы вечных снегов, было холодно и сыро. Тусклой голубизной отливали изломы ледников, прозрачные лиловые тени лежали в ущельях.

Седой надел темные очки, жадно поискал глазами фигуру Айсфогеля, не нашел и подумал, что рано, тот еще идет под прикрытием гребня.

К кулуару Смерти Андрей подошел, когда все вокруг было залито солнцем. Он сделал несколько шагов – и сразу оказался в полумраке. Солнце сюда не доставало. Со стен с гулким шипением спадали ручьи. Снег в кулуаре – смешанный с обломками скал, будто кто перепахал. Было угрожающе тихо.

Седой шагал быстро, как только мог. Ледяной разреженный воздух заставлял глубже дышать, чаще биться сердце.

Он шел и думал о Лотте. Успеет ли она проскочить кулуар до двенадцати? Совсем обессилела. Седой знал, что такое стрелять в упор в человека, даже если он и враг. К этому трудно привыкнуть. А она, скорее всего, делала это впервые. По самой что ни на есть необходимости. От бедра, когда нет времени, чтобы вскинуть руку с оружием. Про ка-

мень-талисман это все байки. Ей было важно, чтобы я не потерял веру в себя, важно было снять элемент обреченности – возьми камень, меня могут убить... На войне убить могут всегда. Но сейчас он не даст этого сделать человеку с красивой кличкой Айсфогель.

Не зря же он, майор Долгинцов, четыре года только и делал, что бегал вдогонку за смертью, а когда она оборачивалась, обманывал и уходил от нее.

Сейчас он будет осторожен как никогда. И главное – заставить эту птичку смотреть против солнца. Против такого бешеного солнца прицельно не постреляешь. Фактор неожиданности само собой. И лучше бы достать его первой пулей – не "языка" же беру...

На выходе из кулуара Андрей обернулся на шум. Наверху от самого карниза отвалилась гигантская глыба снега и со свистом заскользила по склону. Она сметала на своем пути нагромождения камней и, набирая скорость, неслась в кулуар.

Седой и раньше видел лавины, но такой мощной пляски снега и камней ему наблюдать не доводилось. В кулуаре все кипело, ухало, грохотало, словно там одновременно рвались десятки тяжелых мин.

"Вот тебе и с двенадцати до трех, – подумал Андрей. – Весна нынче ранняя, и солнце сумасшедшее. Год на год не приходится. Опоздай я на пять-шесть минут... и – аминь..."

Сравнительно невысокий хребет, по которому двигался

теперь Седой, выводил к небольшой каменистой площадке, откуда начинался путь на перевал. Этого места Айсфогель миновать не мог. Слева поднималась совершенно отвесная двухсотметровая стена, справа синел смерзшийся фирн ледника.

Расчет Лотты оказался точным, если... если Айсфогель не заметил его движения по гребню хребта. У него есть бинокль. Но как бы там ни было, путь на перевал ему закрыт. Остается попытка прорваться сбоем.

Седой выбрал для засады ложбинку между двумя покатыми скалами так, чтобы солнце светило ему в спину. Он проверил оба пистолета, лег в начинающий подтаивать рыхлый снег и окинул взглядом холодный, суровый мир гор. И вздрогнул. По леднику шел человек. Медленно, но уверенно поднимался он вверх, помогая себе ледорубом. Недосягаемый для пистолетного выстрела, он не оглядывался. Знакомый ранец все так же висел у него за спиной. Пересекать ледник одному, без страховки с альпинистской точки зрения было чистым безумием. Но, может быть, не для этого человека. Недаром же его наградили таким прозвищем – Ледяная птица. Он рискует жизнью, исключая риск боя. В случае неудачи он скатится по леднику в бездну вместе с тем, что несет.

"Сколько у него запасных дисков? – размышлял Седой. – Не больше двух. В горах каждый лишний грамм давит. Значит, если будет бить короткими... Нужно встать и идти. По

его следам-ступенькам. Приблизиться на пистолетный выстрел. И вся надежда на слепящее солнце и... на усталость – Айсфогель шел быстро, и путь его был в два раза длинней. Должен устать, не железный же он..."

Впереди белели фирновые взлеты гребней. С них свисали наметенные ветром карнизы. Не обрушится ли один из них от выстрелов? Такое в горах случается. Лавина может сорваться даже от звука голоса. И Айсфогель знает об этом.

Ледник – словно белый галстук на темно-серой груди горы. Кое-где на нем видны "бараньи лбы" – округленные, заглаженные льдом и водами скалы.

Вмятины в фирне – следы Айсфогеля. А вот и характерные углубления, отпечатки "кошек", на которых прошел альпинист самые опасные участки. Андрей с трудом вбивал ботинки в плотный, смерзшийся снег. Хорошо, что ботинки с трикони держат.

Седой сохранял дистанцию на глаз. Двести метров, не больше. Айсфогель не оборачивался. Нужно заставить его нервничать. Разведчик поднял пистолет и выстрелил в воздух.

Гестаповец обернулся и дал длинную очередь. Пули взметнули фонтанчики льда у самых ног Андрея. Он упал на живот, вонзил ледоруб в снег и сполз на десяток метров вниз.

Следующая очередь была короткой – пули прошли над самой головой.

– Вот черт! – пробормотал Андрей, отползая за один из "бараньих лбов".

Он все еще надеялся на маленькую лавину, разбуженную выстрелами. И он увидел ее. После короткой очереди из "стен-гана" с одного из гребней сорвался ком снега, прочертил на карнизе черную полосу и расколол снежное поле. Оно треснуло пополам и устремилось по центру ледника.

Седой встал из-за камней и закричал, предупреждая Айсфогеля о лавине.

Гестаповец обернулся, прыгнул в сторону и вдруг, осознав, что не успеет, устремился навстречу лавине, высоко подпрыгивая, словно намереваясь перемахнуть всю эту мчащуюся массу снега.

Белая ослепительная пыль скрыла его фигуру. Андрей лег в углубление за камнями и, вонзив ледоруб в снег, вцепился в него обеими руками. Задержал дыхание. Лавина задела каменный островок краем, накрыла удушающей ватной пеленой и промчалась дальше.

Седой выбрался из-под снега и взглянул вслед клубящемуся потоку. Внезапно на его гребне разведчик увидел фигуру Айсфогеля. Он все так же высоко вскидывал ноги, бежал по лавине, не давая увлечь себя в ее глубину.

Андрей и раньше слышал о людях, седлавших лавины, и вот теперь видел высший альпинистский пилотаж наяву. Это граничило с чудом. И счастье Айсфогеля, что лавина не несла с собой камней. Она выдохлась на половине ледника.

Не было на Айсфогеле и светозащитных очков.

...Их разделяло шестьдесят – семьдесят метров. Но теперь гестаповец был внизу, и солнце светило ему в спину. Он потерял в схватке с лавиной ледоруб, без которого продолжать путь по леднику было невозможно. Айсфогель избрал единственно верное решение. Он стал медленно и осторожно спускаться к площадке, на которой час назад Седой лежал в засаде. Андрей отчетливо слышал шипящий звук, издаваемый летевшими из-под ног гестаповца льдистыми крупинками.

"Если Лотта идет тропой, по которой шел гестаповец, она слышала выстрелы и поспешит, – думал Седой. – Я должен его задержать. Как? Соблазнить его живой мишенью. Не дать ему пристреляться, все время вести огонь самому".

Седой достал второй пистолет и поднялся из-за гладкого валуна.

Он стрелял с обеих рук, пританцовывая на ледяной площадке возле камня, бросаясь то вправо, то влево, падая и снова вскакивая, слыша, как постанывают над головой пули, посланные из девятизарядного вальтера с расстояния, когда опытный стрелок поражает мишень с первого выстрела.

Андрею мешало солнце, оно теперь было его врагом. Да он и не вел прицельного огня, стреляя в контур, в силуэт, не давая противнику продолжать спуск к площадке. И потом это было чужое, не им пристрелянное оружие. Он считал свои выстрелы и оставил два патрона в парабеллуме на са-

мый крайний случай, когда увидел поднимающегося ему навстречу Айсфогеля. Этот человек не знал страха. Опасность только подхлестывала его. Так казалось Седому. И все же он заметил, что Айсфогель идет как бы на ощупь, его мотает в стороны.

"Ранен, – мелькнула мысль. – Решил подняться на верный выстрел. Теперь пора его стреножить, самое время".

Андрей поднял пистолет, тщательно прицелился, щурясь от яркого, бьющего в лицо солнца. Глухо клацнул ударник. Осечка?

"Это нужно было предусмотреть, разведчик Долгинцов, и оставить по патрону в каждом стволе. Умереть после всего, что было?! Нелепость".

Седой отбросил парабеллум и взялся за ледоруб. Только теперь Андрей разглядел того, кого называли Ледяной птицей. Высокий бугристый лоб и четко очерченный, вытянутый овал лица. Гестаповец сильно щурил большие черные глаза, словно искал что-то в лице противника.

"Не двигайся, – приказал себе разведчик, – три метра. Не промахнется. Целится в голову – это уже шанс. Если бы в сердце, тогда почти никакого. Рука дрожит. Устал".

Не спуская глаз с пистолета, Седой видел теперь только руку и белый от напряжения палец на спусковом крючке.

"У него последний патрон, поэтому он медлит. Нет, снежная слепота. Ведь он полчаса как без очков".

Мысль вспыхнула и ослепила. Разведчик сжал ледоруб,

редким и быстрым движением обеих рук метнул его в голову гестаповца.

Хлопнул выстрел. И в следующее мгновение Андрей услышал взвизг металла и ощутил тупой удар в голову. Пуля попала в ледоруб и рикошетом угодила Седому в левую часть головы, прикрытую меховой шапкой.

Разведчик упал и стал медленно сползать вниз. Словно в полусне услышал:

– Андре-еэ-ей!

Ему казалось, что он целую вечность слышит этот по-детски тонкий голос. Он напрягал всю свою волю, пытаясь узнать его, но глухой, идущий из глубин мозга гул мешал ему сосредоточиться.

Сознания коснулись знакомые резкие звуки. Они вернули Андрея из забытья. Где-то рядом стреляли.

Седой почувствовал, что скользит по леднику, перевернулся на живот, раскинул руки и ноги в стороны, цепляясь за малейшие неровности, мелкие ледяные заусенцы. Спас его скрытый под снегом заструг, образовавшийся от натеков с тающего днем снега.

Андрей разлепил запухшие от удара глаза и сквозь красный туман увидел идущего по краю ледника Айсфогеля. Гестаповец шел, вытянув вперед руки, как слепой. В одной из них Седой заметил сверкнувший тонкий длинный клинок. Вдруг он остановился и стал торопливо снимать ранец.

"Сейчас он поищет лицом солнце, развернется и выбросит

ранец в пропасть. В нем микропленка... тысячи адресов и явок... Где же Лотта? "

Седой попытался приподнять голову. Близкий выстрел заставил его вздрогнуть. Андрей успел зафиксировать в сознании падающую фигуру гестаповца и впал в забытье.

* * *

...Он пил, захлебываясь, горячий кофе прямо из термоса, Лотта с улыбкой смотрела на него, потом тихонько засмеялась, прикрыв рот ладонью.

– Ты чего?

– Ты рыжий, Андрюша... Я все думала, какой ты, с головы – седой... не поймешь. А борода выдала... Рыжий...

Андрей провел рукой по щеке – трехдневная щетина сухим репейником обметала подбородок и скулы – и тоже засмеялся мелким тугим смешком, держась обеими руками за голову, потому что смеяться было больно.

– Хочешь, я прочту тебе стихотворение Пушкина?

– Зачем?

– Я давно ни с кем не говорила по-русски, Андрюша.

– Наговоримся еще, – посмеиваясь, сказал Седой, – спускаться вниз, считай, сутки.

– Нет, ты послушай. И не смейся. Так нужно... мне.

– Закурить бы сейчас, – пробормотал разведчик.

– Кури. И слушай... – Лотта протянула ему пачку сига-

рет. – Я нашла их в ранце вместе с контейнером... А это тоже трофей. – Она щелкнула изящной зажигалкой.

После первой же затяжки у Седого закружилась голова.

Роняет лес багряный свой убор,

Сребрит мороз увянувшее поле...

Лотта читала негромко, без особого выражения, словно вела беседу:

Проглянет день как будто поневоле

И скроется за край окружных гор.

Пылай, камин, в моей пустынной келье;

А ты, вино, осенней стужи друг,

Пролей мне в грудь отрадное похмелье,

Минутное забвенье горьких мук...

Ирония возвращалась к Седому вместе с привычным ощущением силы и легкости. Он видел летящий мрамор высокого неба, маленькое облачко, коснувшееся солнца, светящееся и трепещущее, слышал, как вздрагивали продрогшие ели на склонах, наполняя воздух тонким звоном, и каждой клеткой усталого, намучившегося тела ощущал жизнь, ее бичение и власть.

– Помнишь наизусть? – усмехаясь, спросил он. – По литературе пятерка была?

– Была, – как эхо, грустно отозвалась Лотта.

Они помолчали. Лотта поднялась первой.

– Андрей... – глухо и строго произнесла она. – Теперь слушай меня внимательно и не перебивай. Ты начнешь спуск

через полчаса, как я уйду к перевалу. Будь осторожен – в горах могут бродить "эдельвейсы". Возьмешь мой вальтер и две обоймы. Если что... контейнер уничтожить любой ценой. В старой хижине, что на левом склоне хребта, – ты ее видел, когда мы поднимались в группе к спасательной станции, – тебя ждет человек. Его зовут Игнаци. У него для тебя одежда, австрийский паспорт на имя Питера Гешнера, венского служащего, приехавшего в Филлах навестить брата. Он же скажет, где хранить контейнер. Ни в коем случае не держи его при себе. Американцы если не сегодня, то завтра будут в Филлах. Первое время поживешь у моего человека. Он антифашист, потерявший, всех близких в Маутхаузене. Проверок бояться не нужно. Документы настоящие. Как только представится возможность, выедешь в Вену. Микропленка останется в тайнике. Нельзя рисковать... Это приказ Центра.

– Ясно, – сказал Седой, – а все же... могли бы вместе...

– Нельзя, Андрей... Война для нас не кончится и после салютов Победы... Мы сделали одно дело из тысячи... Ты разведчик и все понимаешь... До свидания... Большой привет Сухову и генералу. Он захочет увидеть тебя еще раз. Низкий поклон Москве... – Голос ее дрогнул. – И Малой Бронной...

Они обнялись.

Она спускалась с ледника по его следам и, когда достигла каменной площадки, обернулась, крикнула:

– Я сама найду тебя в Москве... Слышишь?

– Слышу, – тихо сказал Седой.

Она шла по острому гребню, ведущему к перевалу. Ее силуэт долго вырисовывался на фоне синего неба. Потом он исчез.

Седой отвернулся, внимательно оглядел в бинокль склоны, вскинул ледоруб и сделал первый шаг с ледника.